

Тем летом случилось в Высоковской восьмилетней школе небывалое пополнение. Сразу четыре молодых учительницы прибыли в глухую деревню в пятнадцати километрах от границы области, обозначающей одновременно и границу таёжного леса. Учительницы этого не знали, как не знает и значительная часть нашего населения. А если бы и знали, поехали бы сюда жить и работать? Две из них точно бы не поехали, но так сложилось, что как ни старались девушки, а замуж до распределения выйти не сумели. У одной жених, выпускник военного училища, укатил ещё дальше — в Хабаровский край, поэтому девушка забоялась, подумала, что край родной области лучше края света, и с замужеством решила погодить. Другая женихалась еще со школы, но жених, друг детства и бравый тракторист в родном колхозе, в ЗАГС не спешил, потому что молодую жену вести было некуда. Этих, учительниц начальных классов, директор школы Людмила Васильевна поселила в комнатке при столовой, отдельно стоявшей на школьном дворе. Комнатка вмещала две железных койки, стол и печь-голландку, но была уютной и обжитой — молодые учительницы в ней менялись, как студентки в институтском общежитии, резво выпархивая оттуда замуж. Людмила Васильевна так двум Аннушкам, приехавшим из педучилища, и сказала: «Девчата, место проверенное, через год вы отсюда уедете».

Третья, будущая учительница русского языка и литературы, приезжала в деревню еще зимой поглядеть на «место ссылки», почти ужаснулась, но на обратном пути познакомилась в рейсовом автобусе с красавцем плотником, рубившим с бригадой новые дома для колхозников. А после защиты диплома в городе уже и свадьбу сыграли, и напористый плотник пришёл в колхозное правление просить семье дом. Пока бригада не срубила запланированные дома, колхоз купил молодым пустующий добротный дом, и они радостно взялись его обживать, благо у мужа руки были золотые и без дела лежать не хотели.

Последняя из четырёх, выпускница университета, поехала в дальнюю деревню по безвыходности и с тайной надеждой создать семью. Новую. Старая развалилась еще на первом курсе, оставив после себя малолетнюю дочь и горькое разочарование. Но горе-мамаша университет всё же закончила, отстав от подруг на год академического отпуска, а к моменту распределения выяснилось, что ни под какие льготы она не попадает. Не мать-одиночка, муж-то был, хоть и недолго. Ребёнок не дошкольник — в тот год как раз страна медленно, но верно начала переходить на одиннадцатилетнее образование, и подросшая дочка должна была идти

в первый класс. Вот и поезжайте в деревню отработать свой долг государству, которое вас пять лет учило, — так сказала ей на заседании комиссии по распределению выпускников университета пожилая седая тетя из облоно. Она и поехала, перехватив две сумки с вещами одной рукой, а дочкину ладошку другой.

Тут Людмила Васильевна схватилась за голову. Заявку на учительницу истории она подавала лет пять назад, но с тех пор учебные часы по предмету тихо перераспределились между тремя ветераншами сельского школьного образования, чему они были даже рады, получив дополнительный заработок. Про заявку забыли. А тут нате, прислали из области учительницу, да ещё и с ребёнком.

— Куда я вас селить буду, — качала она головой, сидя за широким обеденным столом в зале своего дома, пока её дочки активно знакомилась с приезжей девочкой. — И отпустить не могу, не подпишет мне сейчас роно никаких бумаг. Дочка ваша в первый класс пойдет с моей Таней, но у нас ведь пока трёхлетнее образование осталось. Это не беда, в город вернётесь, там и решите, как вам удобнее — через класс прыгнуть или второй раз в тот же класс идти. А вот куда вас поселить, ума не приложу. Может быть, на квартиру пока к бабушке какой-нибудь? И вам проще будет в налаженное хозяйство идти. Вы в деревне жили когда-нибудь?

— Не жила, я городская. Была в далёком детстве пару раз у подруги в деревне летом.

— Значит, и печку топить не умеете, и воду из колодца брать не приходится? Ну, тогда вам точно надо на квартиру идти жить. У нас ведь места красивые, но глухие. По старине живём. Да не расстраивайтесь, годик поработаете, а там мы вас и отпустим. Не звери же, понимаем.

Молодая женщина согласно качнула головой, оглянулась на дочку, весело игравшую с новыми подружками на полу у широкой русской печи — там из подпечка мелькали маленькие пушистые лапы и мордочки, пытаясь схватить прыгавший перед носом прутик. Дочка визжала от восторга, падала на живот, пытаясь заглянуть в небольшое отверстие подпечка, просовывала в него худую бледную ручонку, рядом с которой загорелые пухлые руки директорской Тани выглядели вопиющим контрастом. Людмила Васильевна вздохнула снова — она тоже смотрела на играющих девочек и тоже видела, насколько её дочки выглядят здоровее и упитаннее городской.

— Куда нам теперь идти? — растерянно произнесла новая сельская учительница, свесив в подол между колен свои тоже худые и тоже бледные руки.

— Сейчас в школу пойдем, я вас с коллективом познакомлю, дочка ваша пусть с моими остается пока. А к вечеру я договорюсь насчёт квартиры, есть у меня несколько бабушек на примете. Анечка, поиграй с Таней и Светой, а мы с мамой в школу пойдем.

Анечка даже не обернулась, увлеченная игрой с котятами, в то время как ее мать сходила с высокого крыльца с таким чувством, будто в её душе скребут самые злые кошки, какие могут жить в этой деревне. И пока она шла по узкой тропинке вдоль деревенской разбитой в мелкую пыль дороги, растерянно озираясь по сторонам, и пока осторожно ступала по свежевыкрашенным досчатым полам двухэтажной бревенчатой школы, всё пыталась уговорить эту кошачью возню в охолодавшей от страха груди.

Она была не робкого десятка, даже дерзкая и отчаянная временами. Но сейчас понимала, что приезд в эту деревню превзошёл все самые дерзкие авантюры ее детства и юности. Людмила Васильевна оглядывалась на неё, ведя по тихим пустым классам, читала растерянность в тёмных глазах, взметнувшихся вверх крылатых бровях, плотно сжатых губах, — и лукаво улыбалась. Нет, думала она, эта здесь долго не задержится. До первых каникул. Как дожди зарядят, так и сбежит к себе в город.

— А вот и ваш класс, — директор широко и гостеприимно распахнула выкрашенную темно-синей краской дверь. За дверью оказалась небольшая, похожий на все предыдущие, класс. Два окна без занавесок, два ряда парт, беленая печь, занимающая полкласса, у задней стены два шкафа со стеклянными дверцами. За стеклом угадывались пожелтевшие рулоны.

— А там что? — спросила спутница уныло.

— Наглядные пособия, в данном случае карты, — ответила Людмила Васильевна торжественно, как будто перед ней стояла не испуганная выпускница университета, а проверяющая из роно. И добавила уже теплее: Да не волнуйтесь вы так. Справитесь. Детей в классах мало, они у нас хорошие. Не такие развитые, как у вас в городе, но зато послушные и учителей уважать привыкли. Вы тут осваивайтесь, а я пойду в учительскую, она на втором этаже. Если что, приходите, я тут еще часа два буду.

Тяжелая дверь захлопнулась за ней сама собой, и молодая женщина без сил опустилась на стул возле учительского стола. Её слегка знобило, а может быть, в школе, не топленной всё лето, застоялся стылый воздух. Она сжала холодные, дрожавшие мелкой дрожью пальцы, зябко передернула плечами и посмотрела направо в окно. За двойными рамами зеленело и шумело лето, листва на березах поплёскивала под ветром и солнцем. Может быть, всё не так уж и страшно, — подумалось ей. И тут дверь с шумом отворилась, и в класс вошли две улыбающиеся девушки.

— Давайте знакомиться! — сверкая глазами, предложила одна из них, — я Анна Николаевна, а это Анна Сергеевна, а вместе нас называют Аннушками.

— Елена Дмитриевна, и у меня тоже есть Аннушка, моя дочь. Она в первый класс пойдет.

— Значит, ко мне и пойдет, — еще шире заулыбалась Анна Николаевна.

В эту минуту у будущей учительницы истории отлегло от сердца, и она окончательно решила, что всё не так уж и страшно, и, пожалуй, им с дочкой стоит здесь задержаться хотя бы на годик, как и говорила директор школы. Завязался разговор, оживлённый взаимным любопытством, надеждами и планами на будущее, и той светлой и ясной симпатией, которая мгновенно сближает молодых людей обоего пола.

А Людмила Васильевна тем временем нашла учительнице временную квартиру и даже договорилась о покупке дома. И у неёhora с плеч свалилась.

В тот же вечер, забрав из директорского дома две матерчатые сумки с вещами и небольшой рюкзак с продуктами, Елена Дмитриевна шла по тропинке к своему новому жилищу. Впереди подпрыгивала неунывающая дочь, а возглавляла компанию Людмила Васильевна, крупным кораблём плывшая в мягко густеющих сумерках и даже как будто раздвигающая их своей крутой пышной грудью. Идти пришлось долго, на самый край деревни, мимо заброшенных, без окон, домов, вниз к сухому долику, потом вверх по взгорку к стоявшему на отшибе небольшому дому об три окошка на дорогу. В окошках, будто радуясь дорогим гостям, мягко засветился желтоватый свет, стукнула щеколда и скрипнула открывающаяся дверь. На слегка покосившемся крыльце гостей встретила старуха, по виду скорее городская, чем деревенская, слепо щурясь из-под руки.

Затем были долгие и путанные переговоры, знакомство с хозяйкой, хлопоты по устройству на ночлег с ворчанием старухи, с визгами дочери, боявшейся идти на двор в туалет, со скрипами и запахами чужого дома, который теперь предстояло ей обживать. Обнявшись покрепче на узкой железной кровати, они заснули, и дочь дрыгала во сне ногой, наверное, всё еще бежала куда-то и не могла остановиться.

Спустя месяц, как раз к первому сентябрю, они с дочкой стали полновластными хозяйками этого деревенского дома, но весь этот месяц был наполнен происшествиями, недоразумениями и неожиданностями, без которых вообще устройство на новом месте невозможно, но к ним ещё добавлялись недоразумения, связанные с прежней хозяйкой дома.

Александра Устиновна была уроженкой Высокова, ее родная сестра Фаина жила через четыре дома в старинном домище с изразцовой печью, светелкой и молельной комнатой. А домик на окраине принадлежал родителям Александры Устиновны и, по её словам, был выстроен отцом собственноручно и завещан ей за то, что она последние годы ухаживала за стариками. В семье выросли еще брат и сестра, они жили далеко, в каких-то сибирских городах и на дом не претендовали, в отличие от Фаины. Боясь претензий со стороны сестры, Александра, видимо, и поторопилась продать дом сельсовету под учительскую квартиру. Только вот из дома она выезжать не торопилась, как та лиса, которая попросилась на ночь, да и выгнала зайку из его дома. Уже подписав все документы на продажу дома, бабка, обладавшая к тому же вздорным неуживчивым нравом, наотрез отказалась съезжать до тех пор, пока не получит деньги от сельсовета на свою сберкнижку. Дело осложнилось тем, что Белбажский сельсовет, осуществлявший сделку, находился за пятнадцать километров от Высокова, прямого автобусного сообщения с Белбажем не было, и поторопить работников сельсовета неугомонная Людмила Васильевна могла только по телефону, стоявшему в ее кабинетике рядом с учительской. Что она и делала весь месяц с упорством истинно сельской учительницы — спокойно и громогласно, так что Елена, возившаяся в своем классе на первом этаже, могла слушать с замиранием сердца все тонкости этих увещательных бесед.

На второй же день выяснилось, что жить в одном доме с бабкой просто невозможно. Она не топила печь, но при этом запретила включать электроплитку и электрочайник, потому что боялась пожара и не хотела платить за нагорающее электричество. Она вечером не открыла дверь на настойчивый стук, когда Елена с дочкой вернулись из школы. Пришлось идти к директору домой и приглашать её на переговоры. На громкий и настойчивый призыв Людмилы Васильевны дверь открылась, показалась бабка и льстивым голоском начала объясняться, указывая на завязанное сваланным мужским шарфом ухо. Ночь на узкой койке прошла почти спокойно, но на следующий день совещание в учительской закончилось предложением поискать на время другую квартиру. Учительница переехала к другой бабушке, где и прожила весь этот месяц, постепенно привыкая к новому для нее деревенскому быту, новым обязанностям в школе, новым знакомым.

Только молодость помогала ей в этом. Аннушкам было проще, во-первых, обе они были деревенские, следовательно, топить печь и носить воду привычные, во-вторых, они жили вдвоём, и эта жизнь напоминала им студенческую общагу. Третья учительница, Лилия, тоже не унывала со своим молодым мужем, ловко примеряя богатый туристический опыт к реалиям сельской жизни. Елену от грусти спасала дочка. Утром они просыпались на разложенном ветхом диване, стоявшем в зале, смотрели друг на друга и подмигивали весело, а потом надо было заплести дочке косичку, приготовить нехитрый завтрак. Белый лохматый пес Кузя, живший у бабушки Маши во дворе, встречал их радостным лаем, норвил ухватить зубами за подол, отчего они обе взвизгивали и пытались отогнать уворачивающегося пса, а потом втроём весело бежали по тропинке к школе. Высокие березы вдоль тропы шумели под зябким августовским ветерком, в их густых плакучих косах каждый день появлялись новые золотые нити. Кузя с первого дня взялся сопровождать их, а потом лежал весь день у крыльца в тенишке, терпеливо поджидая конца рабочего дня.

Дочь убегала в деревню играть с новыми подружками. Там у кого-нибудь она умудрялась и пообедать, возвращаясь к матери ближе

к вечеру с ворохом новых знаний о чудесной деревенской жизни. Её колени и лодыжки покрывались всё новыми царапинами, а платье бывало измазано так, что на следующий день приходилось доставать из сумки другое, потому что постиранное в тазике чуть теплой водой с хозяйственным мылом, платье не успевало холодной ночью высохнуть на верёвке.

Елена либо сидела в учительской, слушая разговоры новых коллег, либо разбирала содержимое классных шкафов. Голова пухла от обилия новой информации, а три учительницы-старожилки сыпали и сыпали ей в уши свои воспоминания, перемешанные с деревенскими сплетнями и школьными историями. В окающем говорке то и дело проскальзывали слова, вроде и по-русски звучащие, но непонятные. В деревенском магазине тоже случались смешные недоразумения, когда продавщица повторяла ей какое-нибудь слово с объяснением, видя, что учительница ее не поняла. Она сама смущённо улыбалась, с удивлением осознавая, что попав в старинную русскую деревню, она чувствовала себя тут иностранкой. Деревенские, впрочем, относились к ней со снисходительным уважением, подробно расспрашивали, подсказывали, что лучше купить, когда привезут в магазин хлеб и по какому расписанию ходит автобус в райцентр. С первого же знакомства её стали величать «Елена Димитревна», певуче растягивая это «Димитревна», отчего она начинала чувствовать себя этакой боярышней из позапрошлого века.

Бабушка Маша встречала своих жиличек светлой улыбкой, приглашала отведать жиденького супчику с пшенной крупой и молодой картошкой на воде, садилась на диван и долго рассказывала о себе, своих сыновьях, своем давно умершем муже. За неимением телевизора годилось и это.

И все же хотелось зажить своим домом. Особенно это желание обострилось после одного инцидента, быстро, правда, разъяснившегося. Однажды придя из школы, Елена застала у бабушки Маши целое собрание из стариков и старух. Старики начали что-то невразумительное бормотать о том, что нехорошо обижать полуслепую старуху, что надо бы вернуть всё взятое. Елена изумилась, попросила объяснить всё снова и помедленнее. Бабушка Маша сидела на диване, и из её выцветших кротких глаз обильно струились слёзы. Оказалось, что у неё пропали все ложки и вилки. Она подозревала жиличку, которая уйдет на другой край деревни в свой дом и унесёт все бабкины вещи. Вот вилки с ложками уже унесла. А сама она беспомощна, вот и позвала стариков себя защитить, учительку усовестить.

— Какие вилки, баба Маша? Вот на столе под полотенцем лежат две вилки и две ложки, которые вы нам дали. Вы, может быть, сами куда-то положили и забыли?

Бабушка молчит и плачет, а она мечется по избе, заглядывая во все углы, и, наконец, находит грудку алюминиевых столовых приборов за мутным стеклом бабкиного серванта. Старики топчутся, всплещивают руками, начинают извиняться не то за бабку, не то за себя, посмеиваются и торопливо уходят.

— Баба Маша, вы сами ложки сюда положили? Зачем? Вы забыли, наверное, и решили, что я украла ваши ложки? Не нужны мне ваши ложки.

Баба Маша жалостно смотрит на неё и спрашивает робко:

— Так ты не уйдёшь от меня? А если уйдёшь, не бери моё, своё наживай.

— Не возьму, баба Маша, обещаю.

Она смеется облегчённо, но на всякий случай назавтра подробно рассказывает всю историю в учительской. Три недели жизни здесь научили её тому, что сплетни разлетаются по деревне стремительно, так же стремительно обрастая самыми невероятными подробностями. Ещё не хватало ей прослыть воровкой.

История с пропавшими ложками даёт повод поторопиться Александру Устинову, засевавшую как лиса в своём, точнее, уже не своём домике. Выясняется, что и деньги на сберкнижку перечислены, и пришла даже официальная телефонограмма из сельсовета, о чём и запись есть в книге телефонограмм, лежащей на столе директора школы. Но очередной поход к домику на окраине результата не приносит. Опять старуха после долгих выкриканий выползает на свое покосившееся крыльцо с перевязанной мужским шарфом головой, машет руками, что, мол, слышит плохо, уши болят. Тут Людмила Васильевна теряет терпение, ведь теперь за электричество в домике должна платить школа, да и за сам домик тоже. Бабушке дают еще неделю на вывоз вещей. Фаина, сестра Александры, встречает неудавшуюся экспедицию возле своего дома и ревниво выспрашивает подробности. Смеётся, щеря беззубый рот: «Она такая. Ехала бы в свою квартиру на Автозаводе и жила там спокойно! Там ей и свет, и вода, и соседки-подружки, и полуклиника за углом. Я её не пущу, вот что хочешь мне говори, Людмила Васильевна! У неё вон на долике подруга живет, пусть идёт туда ночевать!»

И резво повернувшись, Фаина быстро уходит в огород, покачиваясь на искривлённых тяжёлым деревенским трудом ногах. А Елена с грустью и недоумением смотрит вслед — сёстры ведь родные, почему так невзлюбили друг друга? Молода она ещё и мало жизнь знает, поэтому и недоумеает.

Людмила Васильевна прощается — ей налево домой, а Елене прямо на другой конец деревни, к бабушке Маше. Кузя, подумав, сворачивает за Людмилой Васильевной, и вот его белый пушистый хвост уже маячит на втором деревенском порядке. Там у Кузи друзья, а у друзей, может быть, в мисках осталось немного похлёбки. Бабушка Маша прижимиста, кормит впроголодь, и Кузя привык шарить по чужим дворам и помойкам. Елена тянет шею и крутит головой, она не столько Кузю выгладывает, сколько свою дочь, которая тоже не очень любит оставаться с бабушкой Машей в избе, хотя и не объясняет причины. А причина, скорее всего, в том, что бабка в соответствии со своими правилами выгоняет девчонку из избы, когда идёт к племяннице в гости, а в гостях она засиживается по полдня и более. Поэтому Анютка тоже убегает к подружкам, которых свои бабушки из избы не гонят, а еще и угостить могут.

Трудно Елене всё это понять, особенно после того как ей с утра ласково и умильно пообещают с девчонки глаз не спускать и покормить обедом. В школе Ане быстро надоедает болтаться, в холодном пустом классе её не удержать, и Елена весь день как на иголках, ей всюду мерещатся ужасы: глубокие деревенские колодцы, ледяная вода в речном омуте, злые деревенские собаки, проезжие машины, ой, да мало ли опасностей в деревне? Учительницы её успокаивают, мол, наши также растут, да все они сейчас одной стайкой носятся, последние ягоды за деревней собирают. И вообще скоро первое сентября, школа всех соберёт. Так что давайте к торжественной линейке готовиться и расписание утряхивать.

Давайте. В райцентр уже съездили на дребезжащем рейсовом Пазике, купили в универмаге школьную форму и белые гольфы с белым капроновым бантом. Портфель подарила Людмила Васильевна, ручки-карандаши-тетрадки тоже готовы. И всё это благодаря подъёмным, которые она неожиданно-негаданно получила вместе с первым авансом. Никогда она так много денег в руках не держала. Растерялась даже, когда расписалась в ведомости, а потом ещё и пересчитала по требованию Людмилы Васильевны полученные купюры. Бабе Маше куплен на радостях новый электрочайник взамен старого, который то ли сгорел, то ли пропал, но вот уж две недели как бабка топит днём печку и греет в ней чугунок с водой, поэтому вечером чаю не попить, и мать с дочерью довольствуются на ужин молоком и ржаным хлебом. Замена, кстати, отличная. Молоко, невероятное вкусное и жирное, покупается ежедневно у бабкиной племянницы, ржаной хлеб через день пекут в пекарне за речкой и

привозят в магазин на телеге ещё горячим, а там его уже толпа бабушек поджидает. Но учителям продавщица всегда оставляет по две буханки на семью, прячет. Иначе нельзя, бабки всё расхватывают про запас и своим курам на прокорм.

А всё-таки хочется своим домом жить, и она тихо завидует Лиле, у которой были пару раз в гостях. Та радостно демонстрировала и новый обеденный стол, который Иван сколотил, и железную двуспальную кровать с горой белоснежных подушек и ковриком на стене. И свой учительский стол с аккуратными стопками учебников и тетрадей-конспектов под настольной лампой. Вот с Лилей они и придумали, как старую лису выжить из домика. Как в сказке — прийти с петухом-воеводой, роль которого вполне успешно сыграет бравый широкоплечий Иван, Лилин муж.

Первое сентября удалось на славу! Вся школа — тридцать два ученика и восемь учителей — выстроилась на лужайке перед школьным крыльцом. В светло-песочном пиджаке выступил перед народом председатель колхоза, специально для торжества приехавший на черной «Волге» из Белбажа. Директор школы, лучезарно улыбаясь, представила новых учительниц немногочисленным жителям деревни, хотя все уже давно были знакомы. Восьмиклассница Лена с бронзовым церковным колокольчиком, украшенным алым бантом, прошла по кругу и повела за собой в школу первоклассников. Их было трое — три девочки, среди которых радостно улыбалась Анютка в белом фартуке и белых бантах. Потом Людмила Васильевна увела председателя к себе в кабинет, а школьники шумно разошлись по классам. Елена Дмитриевна — так теперь называли её и ученики, — бодро знакомялась с классами, заполняла новенькие классные журналы. Детей она не боялась, потому что своя дочь научила выдержке, был опыт усмирения детишек в детском саду, где она подрабатывала четыре года ночной няней, а предмет свой любила и могла рассказать много интересного, чего не прочитаешь в учебниках.

Вечером наконец-то Елена с дочкой попали в свой дом. Они пришли к домику с целой толпой учительниц и их мужей, неся в сумках таинственно позванивающие бутылки. Накануне продавщица отоваривала все три приписанные к магазину деревни. На каждого взрослого полагалось две бутылки водки, за получение народ строго расписывался в особой тетрадке. Елене тоже полагалось две бутылки, они-то и сыграли решающую роль в этой истории. Утром её спросили в учительской, нужна ли ей водка, и что она собирается делать с этим стратегическим продуктом. Она и предложила водку распить, но не в учительской, а в её доме на новоселье, ведь Людмила Васильевна обещала, что новоселье будет первого сентября. Александра Устиновна выползла на крыльцо и было собралась что-то говорить, но увидев толпу у крыльца, махнула рукой, схватила припасённые в сенях сумки и быстренько подалась вниз по тропинке. Даже не оглянулась. Толпа ввалилась в дом, защёлкала выключателями, зазвенела посудой, кто-то включил прихваченный из школы магнитофон, и новоселье началось! Жаль, водка быстро закончилась, а бежать за добавкой было некуда. Тогда Людмила Васильевна выпроводила всех из избы и, оглянувшись удовлетворённо, сказала: «Счастливы вам тут жить, Елена Дмитриевна. Дверь запирайте на засов, ночью никому не открывайте. Спокойной ночи!»

Ночью стало холодно. Во все пять окошек с выставленными на лето рамами сквозил первый сентябрьский заморозок, тонкое одеяло не спасало, и Елена крепко обнимала дочку, пытаясь согреться. Утром дочка побежала на двор и вернулась с визгом: она любопытства ради залезла по шаткой лесенке на чердак примыкавшего к дому крытого двора и увидела в старом сене некрашенный гроб. Самый настоящий. Елена не поверила и полезла на сенник сама. Действительно, там стоял гроб с лежавшей рядом крышкой, и сердце её едва не выскочило из груди от этой находки.

Быстренько позавтракав черным хлебом с чаем, они как ошпаренные выскочили из домика и побежали в школу. В школе было не теплее, чем в домике, но она наполнялась весёлой шумной вознёй детей, зычными криками учительниц, разгонявших своих подопечных по классам. На перемене в учительской недоразумение с гробом разъяснилось. Оказывается, в деревне издавна старики готовили себе на смерть гробы и ставили их на чердак или на сенник. Мать Александры Устиновны была запаслива и гроб начала готовить загодя, так что к её смерти пришлось гробовину менять дважды, потому что дерево сгнивало. И хоронили бабушку в другом гробу, новом. А этот остался стоять, полузасыпанный сеном.

— Да вы не бойтесь, Елена Димитревна! Выкинуть и забыть. Домик протопить надо бы, осень пришла, ночи теперь всё холоднее будут. Обживётесь.

В этот день случилась ещё одна новость. В школу приехал учитель. Когда Елена зашла в учительскую с единственной мечтой — попить горячего чаю после урока в стылom классе, за общим столом сидел светловолосый молодой мужчина и смотрел на всех входящих круглыми голубыми глазами. Все, кто входил, ойкали удивленно и вопросительно смотрели на Людмилу Васильевну, сидевшую напротив, а она радостно представляла незнакомца.

— Андрей Игоревич, учитель математики и музыки! Сегодня из роно прислали.

Молодой, даже слишком молодой, больше похожий на десятиклассника, мужчина растерянно улыбался, кивал головой и молчал. За десять минут перемены он не сказал ни слова, только смотрел и слушал, а учителя, по деревенской деликатности, не торопившиеся с расспросами, занялись своими делами: пили чай, меняли классные журналы, оправляли бантики своим забегавшим за конфеткой дочкам.

Возвращаясь из школы, Елена завернула в магазин. В очереди стояли две-три старухи, тихо беседовавшие между собой. Они одновременно повернулись ей навстречу, и крайняя в очереди, Фаина, громко сказала:

— Здравствуй, Елена Димитревна! Как на новом месте спалось?

— Плохо, тётя Фая, холодно. Надо печь топить, а я не знаю как. Может быть, поучите?

— Что ж не поучить. А девушка твоя с Танюшкой побежала, не с директорской, другой. Вот я хлеба куплю и пойдём.

— Ладно-ко, иди, Фаина, я хлеб от тебе оставлю, — отозвалась продавщица, напирая на «о», — на обратном пути заберёшь.

Фаина махнула рукой в знак согласия и прытко поковыляла за Еленой. В домик она вошла с некоторой опаской, оглядываясь хитрым прищуром вокруг, вскинула голову на бревенчатую стену в сенях, по которой были густо навешаны деревянные грабли, сита и ещё какая-то утварь.

— Грабли-то я заберу, мне сено ворошить надо, а мои-то плохонькие. Ты тут ничего не выкидывай и никому не отдавай, я всё заберу. Александре ничего не надо было, она давно уж городской стала, а мне в хозяйстве всё надобно, а денег на всё не хватает, на мою-то колхозную пенсию.

Потом состоялся урок, ради которого она и была позвана. Фаина доброзачетливо поглядывала своими маленькими быстрыми глазками из-под низко надвинутого платка, толково объясняла, где заслонка, куда и как положить дрова, и вот уже потянулась по челу русской печи густая пелена белого дыма, увернулась в чёрную глубину дымохода, а рыжий огонь с щёлканьем принялся облизывать дрова.

— Ты печь закрывать не спеши. Всё прогорит, уголья погаснут, ты их кочергой разбей и стреби в сторону, тогда задвигай. А то неровён час угоришь. Угар ведь носом не учуешь, в лучшем случае голова будет болеть, а в худшем и не проснёшься. Ладно, управляйся, я в магазин побегу, а то эти притки весь хлеб расхватают, я их знаю.

И Фаина, мелькнув за окошком, выходящим на крыльцо, быстро побегала по косягору. Навстречу ей вприпрыжку — по-другому просто не умела — неслась Аня, размахивая своим портфельчиком.

К вечеру домик начал согреваться. Под потолком гудел рой чёрных мух, разбуженных тёплыми потоками воздуха от печи, и их настёрное гудение будило в душе тревогу, которая усиливалась от вида голых тёмных окон. Елена вышла к дороге, выглядывая убежавшую опять в деревню дочь и обомлела. Александра со всех окон сняла занавески, и теперь освещённый одной тусклой лампочкой домик превратился в аквариум. Вся его нехитрая обстановка была как на ладони вплоть до русской печи в углу и низкой входной двери, о косяк которой она уже стучалась пару раз лбом, и преоблоно. С тропинки, протоптанной по косягору вдоль окошек, можно было спокойно разглядывать жизнь этого домика, при этом оставаясь невидимым. «Вот дядя чего ставни в деревне были нужны», — подумалось ей. И она уже нехотя взошла на крыльцо по скрипучим — а ведь не замечала прежде — ступеням.

В сенях её встретила густая темень, вспомнился гроб на дворе. Торопливо, на ощупь, найдя эбонитовую шишку выключателя за дверью, молодая женщина щёлкнула им и испуганно огляделась. Тяжёлая низкая дверь, ведущая из сеней на двор, была приоткрыта ещё утром. Она торопливо подбежала к двери, налегла на неё, пытаясь задвинуть на место, но дверь поддаваться не хотела. С трудом, долбясь в неё раз за разом онемевшим от ударов боком, Елена всё же закрыла дверь и задвинула грубый деревянный засов в большие железные уши, вбитые в полотно двери и косяк. Стало чуть спокойнее, но она опять выбежала на крыльцо в уже крепко загустевшие сумерки. Крыльцо и часть тропинки освещались падавшим из окна желтоватым светом, а дальше всё терялось в тёмно-синей мгле. Бежать искать дочь? А дом оставить, и кто-нибудь залезет? Закрыть дом на висячий замок, а если Аня прибежит без неё к дому, а тут на тебе — замок висит?

Сердце заколотилось в горле, руки застыли от страха, и она готова была нестись куда глаза глядят, как вдруг увидела маленькую фигурку в коротком ситцевом платице, входившую в квадрат света. Зрачки ребёнка на мгновение сверкнули красным, но ещё миг, и дочь повисла у встревоженной матери на руках.

— Аня, как ты меня напугала! Так поздно одна бегаешь по деревне, все девочки уже по домам ушли! А наш дом на краю деревни стоит, мало ли что может случиться, пока сюда идешь! Ты вся ледяная, руки-то как лёд! Ужинать, чаю горячего сейчас же.

Так она причитаала, толкая дочь на крыльцо. Аня влетела в освещённые сени и тут же покосилась направо. Убедившись, что дверь на двор закрыта наглухо, она торопливо кинулась к другой двери, ведущей в избу, и начала дергать ручку. Но та была слишком тяжела для её хилых рученок, и мать помогла, перехватив ручку и как следует её дернув. Да, у бабы Маши дверь была полегче. Наклонив голову, чтобы не вписаться лбом в косяк, она протолкнула дочь в избу и со вздохом скользнула взглядом по окошкам. Дом встретил их тепло, но настороженно. Маленькие окошки показались еще подозрительнее из-за черноты, глядевшей сквозь них, разогретый воздух наполнился каким-то неуловимым, но тяжёлым запахом, гудели мухи. Обернувшись, Елена первым делом накинула толстый кованный крючок на такую же грубую железную петлю на двери. Стало чуть-чуть спокойнее, да и показывать дочери свою тревогу ей не хотелось. Им здесь ещё жить, а они с первых дней уже боятся!

Впрочем, за столом, слушая, как запекает свою песню пузатый никелированный электрочайник, заваривая грузинский чай в бабкин битый бокал и нарезая буханку толстыми неровными ломтями, она размякла, спрашивала дочь о событиях прошедшего дня, рассказывала про своих учеников. Спать они опять легли в обнимку, но не из-за холода, а от тесно-

ты — односпальная кровать была так узка, что дочь прижималась вплотную к бревенчатой стене, а мать едва не падала с другой стороны на пол.

Утро их снова встретило холодом, и едва прозвенел — протарахтел старый пузатый будильник, оставленный Александрой Устиновной в виде милости на столе, Елена вскочила, чтобы включить электрочайник. Накинув на спящую дочь свою куртку, она крадучись прошла в упечь — теперь она знала, как называется этот закуток у чела русской печи, отгороженный от избы деревянной, крашеной синей краской переборкой. В голые окошки тускло просачивался рассвет, и Елене показалось, что кто-то стоит перед домом и заглядывает внутрь. Поэтому зажигать свет она побоялась, памятуя вчерашнее своё открытие. Тут напомнила о себе другая нужда, и она, охнув, кинулась к двери, пытаясь на ходу откинуть тугую крычод. Не тут-то было! Едва вытерпев, она отмахнула тяжёлую дверь, а в сенях её поджидала темнота и...ещё одна дверь, наглухо вчера забитая её же бедром. Она чертыхнулась и вернулась в дом, метнувшись опять в упечь — там стояло ведро, в которое она накануне выливала остатки заварки и споласкивала бокалы. Ведро стало спасением. Но едва перестал журчать ручеёк, она услышала плаксивый голосок дочери; «Мам! Мам, я в туалет хочу!»

— Иди сюда, в ведро.

— А можно? — дочь боязливо прыгнула с постели и на цыпочках пробежала по холодному полу к матери.

— Конечно можно, никто же не увидит, — сказала она и опять поглядела в окошко. В окошке никого не было. Но она твёрдо решила в ближайший выходной поехать в райцентр, чтобы купить любой самой дешёвой ткани на занавески.

На переменке в учительской обсуждали злоключения Андрея Игоревича, искавшего себе накануне квартиру. Бабушка Маша принимать мужчину наотрез отказалась. Ещё две старушки не сговариваясь отнекались от постояльца, и он, наконец, нашёл приют в заброшенной половине дома, в которую его пустила хозяйка, живущая в другой половине с отдельным входом. Парень переночевал на старой железной кровати, подстелив выданный на бедность ватник, накрывшись своей куцей курточкой. Елена тоже пожаловалась на узкую кровать, с которой она скапывалась, едва дочка переворачивалась с боку на бок. Учительницы поохали и посоветовали порыскать по пустующим домам — их в деревне было немало, — и поискать подходящую мебель. Было решено совершать поиски вместе. Лилия обещала прислать своего мужа на случай, если окажется нужда в крепких мужских руках. Так к концу дня в её доме обосновалась полутораспальная кровать с добротной панцирной сеткой и никелированными шишечками на спинках. Ещё в дом были принесены широкий стол и два стула, поставленные у окна для занятий уроками.

А заглянув в кладовку, отгороженную от сеней дощатыми стенами, Елена нашла на деревянном топчане свёрнутый в рулон матрас с байковым одеялом и притащила его в дом. Андрею Игоревичу тоже кое-что нашии: к его железной кровати прибавился столик, пара табуреток, нашёлся даже самовар, спрятанный в углу за трубой русской печи. В этих блужданиях по заброшенным домам — Людмила Васильевна в магазине предупредила старух, что молодые учителя пойдут искать себе вещи на обустройство, — Елена и Андрей сблизились и разговорились.

Они оказались ровесниками, вышли из одного университета, только Андрей учился на радиофаке, был распределён после защиты диплома в «почтовый ящик», год просидел в отделе и остро понял, что ошибся в профессии. Как молодой специалист он не имел права бросить свой отдел ещё два года, но ему предложили неожиданную альтернативу: поехать в деревню учителем вместо другого выпускника, готового сидеть где угодно, но только в Горьком. А не на краю области в глухой деревне.

Обмен совершился к обоюдной радости и тихому ужасу родителей Андрея, думавших, что судьба сына благополучно устроена на ближайши

несколько лет. Единственной отрадой, мирившей их с выбором сына, была мысль о том, что мужчины — сельские учителя освобождались от призыва в армию вплоть до окончания призывного возраста. А самым ужасным ужасом тех лет для родителей призывников стала афганская вялотекущая война, присылавшая время от времени на родину цинковые гробы вместо сыновей.

Когда речь зашла о гробах, Елена вспомнила про «свой». И попросила вытащить его куда подальше, а то страшно ей с дочкой на двор ходить. Ваня с Андреем гроб выкинули, быстренько его в щепы покололи найденным тут же в сенях топором. И затопили печь готовыми дровишками. Попив чаю со свежескупленными баранками, они разошлись по своим домам в наступающих сумерках, а Елена, уставшая от дневной суеты, заторопясь, сгребла недогоревшие угли в угол, постучала по ним кочергой, выбивая снопы искр, и закрыла задвижку. Едва расстелив постели себе и дочке, она улеглась, с удовольствием вытянулась на широкой кровати и крепко заснула.

...Ей снилось, что по дому кто-то ходит, и она мучилась, пытаясь вспомнить: закрыла дверь на крючок или нет? Потом ей приснилось, что дом наполнился тяжёлым дымом, да так, что нечем стало дышать, из кирпичного угла печи вдруг вывалился тощий дед в тёмных брюках и застиранной синей майке. Разругался, что дышать нечем, что молодайка дура, печь топить не умеет, пробежался по избе босиком и вдруг подпрыгнул и улетел в дырку на потолке, как раз там, где в переднем углу остался пустой уголок от бабкиных икон. От ужаса она проснулась, почувствовала невероятную тяжесть в груди, боль в висках и глухой стук сердца. Шатаясь, она поднялась с кровати, дошла на ощупь к двери, одним рывком выбила крючок из петли, нашарила выключатель и, щелкнув им, распахнула настежь тяжёлую дверь. Из сеней пахло сквозняком, она всё так же пошатываясь и держась за стены руками, добрела до входной двери и открыла её тоже. Потом вернулась в избу и начала тормозить дочь. Та никак не просыпалась, открывала глаза и вновь закатывала их, её головка как вялый цветок падала опять на подушку, и Елена, взыв от ужаса, схватила дочь на руки и потащила вон.

Она трескала дочь по щекам, вдыхала ей в рот воздух, зажимая нос пальцами, как учили её на лекциях военной кафедры, трясла за плечи и потом, хнычущую, подняла на ноги и потащила прочь от дома на середину деревни. В ночной темноте брошенные дома по обе стороны дороги тарачили на них пустые глазницы окон, где-то залаяли собаки, сначала одна, потом лавиной за ней сорвались другие, отзываясь в голове, которая раскалывалась от боли. Дочь спотыкалась и падала, плача уже в голос. Добравшись до Фаиноного домища, Елена глянула вверх на тёмные окна, закрытые на ночь ставнями, до которых не дотянулся бы и самый высокий мужик, и жалобно крикнула: «Тётя Фая!» Ей не ответили, да она и не надеялась.

Возле магазина в покосившемся длинном доме на две половины светился неяркий огонёк, и она поволокла дочь к этому огоньку, мало соображая зачем. Свет шёл из окошка той самой половины избы, которая приютила учителя Андрея. Елена недолго думая подтащила дочь к дому и, встав на цыпочки, отчаянно забарабанила в это единственное светящееся во всей деревне окно. И сползла на холодную землю рядом с ревушим взахлёб ребёнком.

Она закрыла глаза и тихо постанывала, поэтому не слышала стука открываемой двери, шагов по ступенькам крыльца. И только на изумлённый возглас ответила, едва подняв от боли веки:

— Угорели. Всё бабкин гроб.

Выбежавший на стук в окно Андрей присел над двумя скорчившимися у стены фигурками в белых ночных рубашках, попытался поднять, затем куда-то убежал. И вот уже их накрывают тяжёлым, пахнущим ма-

зуютом ватником, выпрашивают, уговаривают, убеждают, ведут обратно в их дом, издалека светящийся с косогора всеми своими пятью окошками и распахнутой настезь дверью.

Дверь решили оставить открытой, чтобы дом проветрился. Но остаться в нём Елена согласилась с единственным условием, чтобы Андрей, который почему-то ничего не боялся, тоже остался ночевать. Она улеглась с дочкой на широкую полуторную кровать, предоставив мужчине односпальную. Свет выключили, и с трудом, преодолевая тошноту и головную боль, они забылись тяжёлым сном.

Напоследок Аня вдруг громко сказала в остывающей темноте: «Мам, а давай Андрей Игоревич с нами всегда будет жить. Чтобы не страшно было».